

„Въ Задонскихъ степяхъ“.

Ахъ ты, степь, моя степь, степь
широкая!

Кольцовъ.

I.

Хороши и привольны наши Задонскія степи!
Почти отъ лѣваго берега Дона начинается ихъ
вольная, широкая громада и идетъ до предѣловъ
Ставропольской губерніи. Я говорю „почти“, ибо отъ лѣваго
берега приходится еще проѣзжать по юртамъ станицъ—Богаев-
ской и Маныцкой—до балки Хомутецъ, границѣ земель ста-
ничныхъ и войсковыхъ-коннозаводческихъ.

Эта громадная терригорія—величиною съ Францію (900.000
десятинъ), разбита на такъ называемые „участки“ (2.400 де-
сятинъ), которые отданы въ пользованіе частнымъ лицамъ для
разведенія Донского частнаго коннозаводства.

Такимъ образомъ, пользованіе здѣсь степью, или участ-
ками, безъ лошадей—немыслимо. На каждый участокъ прихо-
дится 200 головъ лошадей, считая съ приплодомъ, маленькими
жеребятами, и каждый коннозаводчикъ долженъ зорко слѣдить,
чтобы установленная норма, *по количеству*, всегда соотвѣтство-
вала участку, ибо всѣ они находятся подъ непосредственнымъ
контролемъ правительства, обращающаго также серьезное вни-
маніе и *на качество* лошадей; эти два условія, количества и
качества, были положены непремѣннымъ условіемъ жизни въ
степяхъ каждаго коннозаводчика и несоблюденіе поддержки
того и другого вело къ немедленному отобранію отъ него
участка и передачѣ его другому лицу.

Такъ жили и пользовались коннозаводчики всѣми благами
своего положенія, создавая конскіе заводы,—одни богатѣя, дру-
гіе умирая нищими, третьи вели заводъ кое-какъ, напрягая

всѣ силы, чтобы удержать за собой участки, и не лишиться на вѣки такой благодати.

У каждаго коннозаводчика все составляло его собственность, кромѣ земли, за которую платили войску со всѣми сборами,—окружными, мировыми,—что-то около $10\frac{1}{2}$ копѣекъ за десятину,—цѣну, какъ видите, можно сказать, ничтожную.

Вся земля нарѣзалась коннозаводчику на 24 года, и за этотъ срокъ какое поле представлялось честному человѣку приобрести себѣ богатство!

Такъ какъ земли было много, а лошадей на участокъ приходилось не Богъ знаетъ какое количество (200 головъ), то въ помощь коннозаводчику давалось право заниматься на участкѣ земледѣліемъ, скотоводствомъ и овцеводствомъ въ извѣстныхъ размѣрахъ. Все это, вмѣстѣ съ коннозаводствомъ, могло давать громадныя барыши хозяину. Оттого-то задонскія степи назывались на Дону стариками „золотымъ дномъ“.

Усадьба каждаго коннозаводчика, т. е. домъ, со всѣми надворными постройками и со всѣмъ живымъ хозяйствомъ, назывались „зимовникомъ“, или „зимникомъ“, какъ говорили простые люди и калмыки.

Иногда эти „зимовники“ находились близко другъ отъ друга (10—15 верстѣ), а иногда верстахъ въ 50 и болѣе. Это зависѣло отъ расположенія участковъ и общей ситуаціи громадной степной территоріи. Всѣхъ зимовниковъ въ Задонскихъ степяхъ было до 200.

Нашъ зимовникъ занималъ первое мѣсто, начиная отъ балки Хомутецъ, и состоялъ, благодаря заботливому хлопотамъ отца, изъ 5 участковъ, т. е. изъ 12.000 десятинъ земли.

Сначала шла узкая полоса земли, версты въ двѣ шириною, а затѣмъ далѣе къ югу, разворачивалась широкимъ квадратомъ, 7 верстѣ въ поперечникѣ.

Фигура нашихъ участковъ по плану представляла собою очертаніе топора. Это такъ называемая знаменитая Бурукчунская степь ¹⁾, гдѣ сѣяли хлѣбъ и производили главные запасы сѣна.

Разстояніе отъ крайней точки Бурукчуна до зимовника и рѣки Маныча равнялась 31 верстѣ.

Земля въ Задонскихъ степяхъ—глубокій черноземъ: жир-

¹⁾ Бурукчунъ—калмыцкое названіе.

ная и плодородная, настоящее золото, и не знала никакихъ удобреній.

Вся площадь земли, начиная отъ конца рукоятки топора къ головѣ, представляла собою ровную, куда глазъ хватить, степь, необъятную и широкую, покрытую ковылемъ и разными степными травами.

Вотъ въ этой-то степи я провелъ свое дѣтство и юношество.

II.

Воспоминанія моего ранняго дѣтства не простираются очень далеко. Меня 9-лѣтнимъ мальчикомъ привезли въ бричку на зимовникъ и сказали: „любуйся“! Зимовникъ былъ новый, въ отличіе отъ стараго въ полуверстѣ разстоянія, гдѣ былъ только одинъ разрытый большой курганъ, бывшій конюшней коннозаводчика Янова. Такъ это старое урочище и осталось, имѣя только разрытый курганъ и нѣсколько старыхъ ямъ, поросшихъ лопухомъ и бурьяномъ, слѣды бывшихъ надворныхъ построекъ.

Удивительно жили прежде люди! раскопать большой курганъ вдоль и устроить въ немъ конюшню.

Но голь на выдумки хитра! Здѣсь нѣтъ лѣсовъ, значитъ, нѣтъ подъ руками необходимаго строительнаго матеріала, и вотъ, чтобы устроить хорошую теплую конюшню, нужно воспользоваться матеріаломъ самой природы, — разрыть курганъ вдоль и устроить въ немъ конюшню!

Новый зимникъ представлялъ изъ себя усадьбу, съ небольшимъ деревяннымъ домомъ, въ пять комнатъ, съ штукатуренными стѣнами, съ простою деревянною мебелью, съ некрашенными полами и окнами, съ деревяннымъ крыльцомъ, выходившимъ въ садикъ, и дверью внутрь комнатъ, и парадный и черный ходъ. Задняя сторона этого дома-флигеля была обращена къ степи, откуда отецъ изъ залы, въ окна, любилъ смотрѣть въ степь и наблюдать за рабочими въ подворную трубу, чѣмъ производилъ эффектъ, ибо рабочіе, не зная о существованіи этой трубы, были поражены, какъ „пань“ изъ окна дома могъ видѣть все, происходившее въ степи, на довольно большомъ разстояніи, верстъ на пять, и приписывали это, дѣйствительно, необыкновенному зрѣнію отца, подъ старость развившаго въ себѣ дальноворкость. Этому окошку впоследствии пришлось сыграть видную роль въ жизни отца. Когда, уже много лѣтъ спустя послѣ водворенія нашего на новомъ зимникѣ, къ намъ

въ степи пріѣхалъ Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій смотрѣть табунъ, у отца на зимовникъ, какъ первомъ по порядку и по положенію, былъ назначенъ сборный пунктъ окрестнымъ табунамъ, которымъ смотръ производился около двора. Послѣ завтрака пошелъ дождь и на травѣ было росисто. Великій Князь, замѣтивъ, что изъ окна можно было смотрѣть лошадей, сказалъ, обращаясь къ отцу: „и вотъ прекрасно, вели, полковникъ, подгонять лошадей къ окну, мы отсюда увидимъ все“.

Отецъ распорядился, но замѣтилъ: „Когда Ваше Высочество пріѣдете въ Петербургъ, будете всѣмъ рассказывать, что видѣли донское коннозаводство, только скроете, что дѣлали это изъ окна“.

Великій Князь тутъ же схватилъ свою фуражку и побѣжалъ въ степь по росѣ, а за нимъ и вся свита.

Кромѣ окна въ степь, другія окна флигеля выходили въ садъ и во дворъ. Садъ былъ посаженъ отцомъ молодой, со множествомъ вишневыхъ и яблочныхъ деревьевъ, и простирался далеко по балкѣ Хомутецъ.

Затѣмъ слѣдовали надворныя постройки: такъ называемая „бѣлая хата“, гдѣ была кухня для господскаго стола, напротивъ, еще маленькая кухня, за нею погребъ и ледникъ, далѣе четыре хлѣбныхъ амбара, а подъ угломъ къ нимъ, подъ одной крышей, каретный сарай, конюшня, сарай для разныхъ земледѣльческихъ орудій, и еще подъ угломъ плотничный сарай и еще людская.

Такимъ образомъ, надворныя постройки, вмѣстѣ съ флигелемъ составляли квадратъ, имѣвшій два прогала для воротъ: одинъ—между людской избой и „бѣлой хатой“, а другой—между амбарами.

Расположенную при зимовникъ, со стороны сада, балку Хомутецъ отецъ использовалъ для пруда; весной, при таяніи снѣговъ, шумящая вода въ балкѣ задерживалась искусственной плотиной, длиною до ста саженой, и, такимъ образомъ, образовался прудъ, или ставъ, довольно большой въ длину, верстъ до двухъ, и глубиною до двухъ аршинъ.

Вода въ ставу, какъ снѣговая, была мутна и не годилась для питья, но прудъ въ этой безводной мѣстности былъ необходимъ для питья скотинѣ и поливки сада и огорода, и кромѣ того въ жаркіе дни, служилъ немалымъ украшеніемъ для заброшенной среди степи усадьбы зимовника.

Среди двора былъ колодезь съ такой странной на вкусъ

водой, что, мнѣ кажется, если бы подвергнуть ее надлежащему изслѣдованію, то она оказалась бы минеральной: ее можно было еще пить холодную, только-что вытащенную бадьею или цеберкой, но стоило ей только немного постоять и согрѣться,—она уже давала какой-то осадокъ на краяхъ стакана и была положительно противна.

Рабочіе и люди, а также и рогатый скотъ пили ее въ жару съ наслажденіемъ.

Намъ для стола и самовара возили воду въ бочки изда- лека, съ балки Терновки, о которой будетъ сказано впо- слѣдствіи.

Нашъ садъ оканчивался огородомъ, съ маленькою хаткою, гдѣ пеклись черные хлѣбы для рабочихъ, а далѣе внизъ къ Хомутцу, раскинулся большой лугъ, заросшій лопухами и рѣпьями, хмелемъ, бурьяномъ и какою-то непомѣрно высокою травой, мѣсто моихъ непрестанныхъ скитаній въ дѣтствѣ.

Лугъ прилегалъ еще къ одному старому саду, высокія вербы по краямъ котораго явственно видѣлись въ жаркіе дни и ма- нили подъ свою широкую тѣнь и человѣка, и все живое, зады- хающееся отъ палящаго зноя. Это былъ садъ старый, насажен- ный еще давно, какимъ-нибудь прежнимъ владѣльцемъ.

Изъ плодовыхъ деревьевъ уцѣлѣли только яблони, дававшія великолѣпныя яблоки. Помню одинъ сортъ некруглыхъ, а цилиндрическихъ яблокъ, цвѣта желтаго воска, съ легкимъ румянцемъ на поверхности, замѣчательно пріятнаго вкуса, на- поминавшаго лимонадъ; да еще яблоки съ яблонь „барыни“ и „пана“, отличающіяся необыкновенными размѣрами и тоже див- нымъ вкусомъ. Весь садъ этотъ обнесенъ былъ глубокой кана- вой и тихо дремалъ, доживая свои дни.

Спустя много лѣтъ, когда мы продавали зимовникъ, онъ изображалъ изъ себя настоящую руину, заглохшую и зацвѣт- шую, или вѣриѣ, отцвѣтшую.

За садомъ Хомутецъ представлялъ собою опять прудъ, но уже не нашъ, а расположеннаго по ту сторону сначала хохлац- каго, а потомъ казачьяго поселка, сплошь заросшій камышемъ и служившій любимымъ мѣстомъ пребыванія дикихъ утокъ, на которыхъ я устраивалъ нерѣдко охоту. Этотъ прудъ въ полу- верстѣ заканчивался тоже искусственной плотиной.

III.

Мой отецъ, служившій ранѣе, до покупки зимовника, въ гвардіи и арміи, былъ замѣчательнымъ коннозаводчикомъ. Выйдя

въ отставку съ чиномъ подполковника, онъ всецѣло занялся хозяйствомъ и приобрѣлъ 5 участковъ земли, гдѣ развелъ обширный табунъ лошадей, количествомъ 1.000 головъ, рогатаго скота 600 головъ и овецъ до 5.000 штукъ. Вся эта живая громада и составляла наше богатство на зимовникѣ.

Но, замѣчательно, что, имѣя такой роскошный по количеству и качеству заводъ лошадей, отецъ не имѣлъ ни порядочнаго выѣзда, ни хорошей лошади въ г. Новочеркасскѣ, гдѣ у насъ былъ свой домъ, и никогда даже не помышлялъ о томъ, что коннозаводчику нужно поддержать свое достоинство, напр., имѣть хорошихъ лошадей для выѣзда, смѣнить старую, изорванную сбрую и приобрести вполне приличный и удобный экипажъ для своихъ постоянныхъ поѣздокъ.

Нѣтъ, онъ съ видомъ любителя и знатока, ревниво любовался только издали на своихъ лошадей и находилъ въ этомъ любованіи и восторгѣ истинное наслажденіе.

Глядя на какую-нибудь пару великолѣпныхъ кобылъ, пробѣгающихъ мимо его глазъ, онъ съ наслажденіемъ пощелкивалъ языкомъ, повторяя про себя: „вотъ красота-то, вотъ въ пару, въ дышло“!

И кобылы бѣжали, какъ будто нарочно рядомъ, точно демонстрируя идеальный бѣгъ въ дышло передъ глазами восхищеннаго хозяина.

Или, смотря на какого-нибудь красавца-жеребца, онъ тоже говорилъ: „а этого подъ сѣдло, да какому-нибудь ловкому кавалергарду на Царскій смотръ, чтобы это было!“ и онъ точно задумывался, чтобы это было, еслибъ дать волю своей фантазіи и обратить ее въ дѣйствительность.

Наши смотры табуна и поѣздки въ табунъ были очень часты. Особенно доставалось мнѣ, младшему сыну, изъ всей семьи. Отецъ несомнѣнно любилъ меня и возлагалъ на меня всѣ свои надежды, рассчитывая, что онъ такими поѣздками меня приучитъ къ безмолвному любованію своимъ заводомъ, что я полюблю это дѣло и буду съ честью продолжать его. Но надежды эти не оправдались. Сколько я ни ѣздилъ и ни любовался и степью и заводомъ, судьба рѣшила иначе: по окончаніи курса наукъ въ Московскомъ университетѣ и продажѣ зимовника, я пошелъ по Вѣдомству Министерства Юстиціи въ одной изъ центральныхъ губерній, гдѣ, прослуживъ 23 года, дослужился до паралича...

Теперь я пишу свои воспоминанія, далекія отъ свѣта и

жизни, но вижу всѣ описанныя картины передъ глазами, точно не прошло съ тѣхъ поръ почти сорокъ лѣтъ!

Насъ было въ семь семь дѣтей. Самый старшій братъ мой неудачно началъ и кончилъ свою жизнь, проживая все время въ городѣ и умеръ сравнительно не старымъ человѣкомъ, а изъ пяти сестеръ только младшая, Маня, вмѣстѣ съ матерью раздѣляли мою жизнь на зимовникѣ.

По окончаніи университета я и подумывалъ было не вступать на службу, остаться на зимовникѣ, продавъ изъ пяти—три участка и оставивъ себѣ два, по разнымъ обстоятельства помѣшали этому. Къ тому же трудно предположить, чтобы 24 лѣтній молодой человѣкъ, едва окунувшійся въ жизнь, обладалъ бы такимъ знаніемъ этой жизни, такимъ опытомъ, чтобы могъ взять на свои плечи всю тяжесть подобнаго хозяйства.

Въ своихъ безчисленныхъ поѣздкахъ по степямъ и въ табунѣ, на тройкѣ старыхъ маштаковъ, въ оборванномъ и дребезжащемъ тарантасѣ, отецъ неизмѣнно толковалъ мнѣ о хозяйствѣ и показывалъ границы нашихъ участковъ.

Мы выѣзжали изъ дома рано, часовъ въ 6 утра, и сдѣлавъ въ оборотѣ версть 30, по отличнымъ степнымъ дорогамъ, возвращались домой къ обѣду.

Замѣчательно интересны и, по-своему, поучительны эти поѣздки!

Солнце уже высоко поднялось на небѣ, давно ночная прохлада смѣнилась тепломъ, когда къ подъѣзду нашего флигеля подавалась тройка разномастныхъ маштаковъ, заложенныхъ въ старый тарантасъ. На козлахъ обыкновенно сидѣлъ кучеръ — калмыкъ, Максимка, или просто дворовый человѣкъ, бывшій садовникъ, а потомъ сдѣланный конюхомъ, котораго отецъ за невѣдомыя заслуги прозвалъ „морякомъ“; мы наскоро пили чай и сѣли въ тарантасъ, при чемъ я съ лѣвой стороны, а отецъ съ правой. Выбравъ предварительно Максимку или „моряка“ за какую-нибудь видимую или невидимую неисправность въ упряжкѣ, или ужъ за слишкомъ видимую неаккуратность въ чисткѣ упряжныхъ лошадей, отецъ окончательно сѣлся на свое мѣсто и говорилъ „пошелъ“, и тарантасъ выѣзжалъ мимо „бѣлой хаты“ со двора въ степь. Пославъ еще нѣсколько ругательствъ кучеру, отецъ облакачивался на палку и на время умолкалъ.

Дорога была гладкая и ровная, какъ паркетъ, но меня порядкомъ встряхивало отъ толчковъ и общей старческой дряхлости тарантаса, или, можетъ быть, со сва; послѣ теплой по-

стели, непривыкшій къ такимъ путешествіямъ, я сидѣлъ въ углу тарантаса согнувшись и предавался своимъ мальчишескимъ думамъ. Мнѣ была видно только лѣвая пристяжная, громадный бѣлый конь, доставшійся намъ отъ барышника Подкопаева; я видѣлъ заднія, длинныя ноги коня, ритмически отбивающія рысь, или порою, съ перемѣнной аллюра, скачь; онъ высоко забиралъ передними ногами и неудержимой скачкой стремился впередъ, точно несъ на хребтѣ своемъ безстрашнаго всадника.

Коренникъ, обыкновенно изъ доморощенныхъ, сначала „Захарка“, а потомъ „Васька“, калмыцкой породы, приземистый и лѣнивый, бѣжалъ прижавши уши и мало обращая вниманія на хлесткіе удары со стороны недовольнаго чѣмъ-нибудь „моряка“. Третьей лошади я не помню.

За то отличался своей вѣрной, неизмѣнной службой нашъ коренникъ, пріобрѣтенный уже впоследствии, — такъ называемый „Буланчикъ“, прозванный такъ за свою буланую масть и бѣлую, почти желтую гриву; калмыцкой породы, плотный и коренастый, онъ былъ истиннымъ иноходцемъ. Съ его иноходью подчасъ табунныя, верховыя лошади мѣрялись только рысью, или короткимъ галопомъ. Ни одна пристяжная, сколько ихъ ни имѣлось, не могла выносить его, по истинѣ, замѣчательной иноходи! Была только одна лошадь во всемъ заводѣ съ замѣчательной иноходью, но о ней я скажу позже.

Тарантасъ тихо катился, встряхиваясь по ровной дорогѣ. Отецъ, въ тепломъ пальто и форменной казачьей фуражкѣ, былъ погруженъ въ свои думы, по временамъ вглядываясь вдаль, а я отъ нечего дѣлать смотрѣлъ по сторонамъ.

Въ четверти версты отъ дома пролегала большая солевозная дорога, трактъ, или шляхъ, ведшая отъ насъ на югъ, черезъ степь, въ станицу Великокняжескую, или Кара - Челлики, а на западъ, черезъ мостикъ на Хомутцѣ — въ Ростовъ Д.

Съ ранней весны по ней тянулись непрестанныя валки (обозы) чумаковъ съ соленой рыбой (таранью), хлѣбомъ и солью, везшіе всѣ эти товары съ береговъ Волги въ Ростовъ. Ихъ тяжелые, таврическіе волы требовали корма и водопоя, а гдѣ его взять, если и по близости воды нигдѣ нѣтъ? — Они знали, что у насъ есть прудъ, да и кормъ, не то, что на отведенной при дорогѣ полянѣ, совершенно выбитой проходящимъ скотомъ и выжженной солнцемъ.

„Стой“, раздалось изъ тарантаса; кучеръ остановился; отецъ замѣтилъ отдохавшую валку.

„А сколько головъ?“ — „Да безъ одного сотня валівъ“, разда-лось въ отвѣтъ; „ну, давайте 99 копѣекъ“, сказалъ отецъ.

Чумаки и рады такой цѣнѣ: они за рубль отлично здѣсь на-поютъ усталыхъ воловъ и двинутся далѣе въ дорогу.

„А попасти же можно“, — раздается далѣе.

„Пасите, тогда заплатите по двѣ копѣйки за голову“.

Хохоль лѣзетъ въ кошель и отдаетъ деньги.

„Пошелъ“, кричитъ вновь отецъ, и мы катимся далѣе.

Отецъ въ своихъ повѣздахъ всегда ѣздилъ съ колоко-лами.

За солевозной дорогой начинается уже степь.

По бокамъ виднѣются старыя пашни и поля ржи и пше-ницы; далѣе овесъ, ячмень и гречиха.

Направо виднѣется хуторъ Харченко, съ вѣтряной мельни-цей на косогорѣ.

Мы еще долго ѣдемъ по узкому мѣсту нашего участка, по топорищу, и только черезъ 12 верстъ, переѣхавши двѣ балки (овраги) Куцюю и Сухую, приближаемся къ широкому мѣсту участка — балкѣ Терновой, — гдѣ расположены калмыцкія ки-битки, гдѣ водопой для лошадей, четыре колодезя въ самой глубинѣ балки, откуда возять намъ воду, и широкій прудъ для скота и овецъ. Этотъ прудъ устроенъ также искусственно, изъ снѣговой воды, но онъ имѣетъ также свои ключи, отчего вода въ немъ всегда свѣжая и холодная.

Отецъ приказываетъ остановиться, и мы выходимъ изъ та-рантаса.

Ужъ близко полдень; налить невыносимый зной.

Лошадей кусаютъ мухи, и онѣ отбиваются отъ нихъ голо-вою, ногами и хвостомъ; коренникъ трясеть головой, отчего колокола на дугѣ слегка позваниваютъ.

Мы идемъ навстрѣчу табуну, приближающемуся къ водо-пою. Теперь лошади уже подошли къ Терновкѣ и пускаются къ колодезямъ отдѣльными партіями, штукъ по 50, а остальные терпѣливо дожидаются своей очереди, сдерживаемыя однимъ коннымъ табунщикомъ.

Весело смотрѣть, какъ лошади, большія и жеребята, при-вычнымъ шагомъ идутъ пить хорошую и холодную воду.

Жеребята шалютъ, брыкаются и, напившись у корыта, под-нимаются на крутой, противоположный берегъ балки.

Къ концу обязательно подъѣзжаетъ старшій табунщикъ, Ман-ца, и, слѣзши съ лошади, безъ фуражки, докладываетъ отцу о всѣхъ новостяхъ въ табуны, о благополучіи, цѣлости лошадей,

о больныхъ и т. п., о всемъ касающемся табуна. Отецъ все выслушиваетъ, видимо довольный, и продолжаетъ смотрѣть все новыя и новыя партіи, идущія къ корыту.

Такъ мы стоимъ часа два. Манца уже уѣхалъ по своимъ дѣламъ и обязанностямъ, а мы все смотримъ, пока не напѣется послѣдняя лошадь; тогда мы вновь переходимъ къ табуна напоенныхъ лошадей и вновь смотримъ, пока Манцѣ не будетъ сказано все нужное и ненужное, и осмотръ, наконецъ, оканчивается. Передъ отъѣздомъ отецъ достаетъ изъ тарантаса два черныхъ хлѣба и передаетъ Манцѣ для младшихъ табунциковъ, или „ребятъ“, какъ называлъ ихъ отецъ. Это для нихъ своего рода лакомство, ибо они своего хлѣба не пекутъ и питаются разными болтушками и прочимъ варевомъ, изготовленными имъ ихъ калмыками на таганѣ, въ кибиткѣ. Для этого каждый табунцикъ получаетъ изъ двора такъ называемое „мѣсячное“—пудъ ржаной муки, пудъ пшена, немного соли и два черныхъ хлѣба.

Конечно, этого запаса не хватаетъ на мѣсяцъ для пропитанія взрослога человѣка, его жены и семьи, и имъ предоставляется самимъ изобрѣтать для себя пищу.

Калмыки народъ грязный и невзыскательный на пищу, онъ ѣстъ все, не исключая даже павшей скотины, овцы и лошадей.

Младшихъ „ребятъ“ у насъ было 5 человѣкъ. Это очень ограниченное число сторожей для такого обширнаго табуна, какъ 1.000 головъ, объясняется тѣмъ, что лѣтомъ волковъ въ степи нѣтъ, похитителей тоже нѣтъ, а слѣдовательно, охрана табуна не представляетъ какихъ-либо затрудненій, а зимою табуны сгоняются ближе къ дому, въ густые камыши рѣки Маныча, или загоняются отъ бурановъ и мятелей въ особое помѣщеніе съ крышей по краямъ, называемое „базами“.

Удивительный народъ эти калмыки. Не слѣзая цѣлый годъ съ лошади, питаются кое-чѣмъ, напоить 1.000 головъ изъ колодезей, доставая оттуда своими руками цебрами, подчасъ въ невыносимый зной полуденнаго солнца, градусовъ въ 50 по Р. и при этомъ знать, что вся эта цѣнная громада лежитъ на его ответственности, получая за все 60 рублей въ годъ,—это уже выше силъ человѣка!

Найдите-ка для такой каторжной работы любого русскаго, или солдата, или казака, всегда все выносящихъ, да онъ пропадетъ въ первый мѣсяцъ!

Да калмыкъ неприхотливъ и въ своей частной жизни. Разумѣется, если взять простого, обыкновеннаго, бѣднаго кал-

мыка, какими были наши табунщики. Его кибитка—все и есть его имущество.

Вы входите въ кибитку, сдѣланную изъ полстей и войлока, и васъ прежде всего поражаетъ непріятный запахъ, ибо воздухъ здѣсь пропитанъ дымомъ; посреди кибитки стоитъ всегда таганъ съ огнемъ, мѣсто, у котораго калмыки всегда варятъ себѣ пищу. Вверху полсть немного пріоткрыта, и получается отверстіе для дыма. Топливомъ служатъ „кизеки“ — вырѣзанные лопатой квадраты изъ земли, мелкой соломы и лошадиного или коровьяго помета, мѣста зимнихъ стоянокъ калмыка. Дымъ отъ кизековъ противный и ѣстъ глаза. По стѣнамъ кибитки стоятъ кровати и сундуки, напиханные зимней и лѣтней одеждой калмыка и его семьи.

Въ кибиткѣ васъ встрѣчаетъ калмычка, молодая и толстая баба, въ своемъ оригинальномъ костюмѣ, — синемъ сарафанѣ, съ красными тесемочками кругомъ и съ толстыми косами, заплетенными въ двѣ пряди и покоющимися на груди, въ черныхъ бархатныхъ чехлахъ и въ шапкѣ, ничѣмъ не отличающейся отъ мужской.

Калмыки очень гостепріимны. Гость непременно садится около тлѣющаго костра, на корточкахъ.

Около кибитки, еще до входа въ нее, вы видите двухъ или болѣе ребятишекъ, прыгающими кругомъ голыми; нѣсколько поодаль стоитъ спутанная лошадь или корова, у кибитки стоитъ привязанный теленокъ.

Спустя немного, калмычка нацѣживаетъ въ деревянную миску изъ высокой кадучки „арьяна“ и подаетъ вамъ въ той же мискѣ. „Арьянъ“ — это питье изъ кобыльяго или коровьяго молока, очень остраго вкуса; въ лѣтніе дни отецъ и я всегда спрашивали этого арьяну, онъ пріятенъ на вкусъ и хорошо утоляетъ жажду.

Въ свои праздники калмыки готовятъ еще другой напитокъ „араку“ — очень крѣпкій, хмельный и непріятный на вкусъ, напоминающій смѣсь нашей водки съ теплою водою.

Калмыки же очень любятъ его и напиваются имъ до одуренія, но все же больше уважаютъ русскую водку и пьютъ ее стаканами, не разбирая что.

Религія калмыковъ—буддизмъ, съ примѣсью шаманства. „Гелюнъ“ — калмыцкій попъ — личность, встрѣчаемая нерѣдко и въ нашихъ Задонскихъ степяхъ,—неприкосновенная. Онъ пріѣзжаетъ сюда изъ „хорула“, — мѣстопробыванія высшихъ ду-

ховныхъ лицъ и архіерея—по духовнымъ своимъ требамъ; ходеть всегда въ ярко-аломъ халатъ и маленькой шапочкѣ, и отличается необыкновенною алчностью до денегъ: когда гелюнь прѣвзжаетъ, напр., къ больному и послѣдній умретъ при немъ, то, по обычаю половина его имущества, въ чемъ бы таковое ни заключалось, переходитъ обязательно къ гелюну.

Калмыки вообще народъ лѣнивый и легковѣрный, трусоватый и вороватый до невозможности. Въ мое время рѣдко кто не попадалъ въ тюрьму за кражу. Да и какъ было устоять, когда все имущество сдано на личную его отвѣтственность и добросовѣтность.

Мы опять въ тарантасѣ, и отецъ приказываетъ кучеру вернуться къ расположенному недалеко, въ этой же балкѣ Терновкѣ, пруду, гдѣ совершался водопой другого громаднаго стада рогатаго скота, 600 головъ.

Водопой уже кончился, осмотръ уже короткій, и, Шевалдыкъ, старшій гуртовщикъ, также сгѣшившись съ коня и снявъ свой картузь, какъ и Манца, докладывалъ про скотину и пр.

Отецъ также остался доволенъ и далъ ему также хлѣбъ.

Коровы и быки всѣ темно-красные, какъ божьи коровки, широко расплзались по зеленой травѣ.

Солнце было уже въ полдень и сильно припекало. Я чувствовалъ уже голодъ и подумывалъ объ обѣдѣ, а домой возвращаться нужно было 12 верстъ.

Отецъ приказалъ повернуть тарантасъ налѣво, и мы проѣхали версты три, какъ раздалось „стой“.

Отецъ всталъ въ срединѣ тарантаса и, всматриваясь зоркимъ взглядомъ въ окрестность, наконецъ произнесъ: „а, вотъ, гдѣ они!“—„Поѣзжай прямо безъ дороги“,—и тройка повернула шагомъ прямо по ровной степи, покрытой невысокой травой, которую пристяжныя, нагибая головы, хватали зубами и тутъ же на ходу жевали, отбиваясь отъ мухъ.

Тарантасъ медленно покачивало при неровностяхъ почвы, гдѣ-то вверху заливался жаворонокъ; въ сажени отъ тарантаса откуда-то вылетѣла стрепетка и, хлопая крыльями, черезъ небольшое разстояніе, опять упала въ траву. Мы приблизились къ отарѣ овецъ.

Издали онѣ казались бѣлою кучкою на зеленомъ фонѣ травы!

Вблизи онѣ стояли, сбившись въ общую кучу, опустивъ головы и спасаясь отъ жары.

Старый Прохоръ, главный овчаръ, или чабанъ, подошелъ, къ намъ и снялъ фуражку, держа въ рукахъ длинную палку

или герлыгу, съ деревянной петлей на концѣ (приспособленіе для ловли овецъ за заднюю ногу) и дѣлалъ отцу свой докладъ.

Внѣшность Прохора была типична: средняго роста, но необыкновенно широкой мужчина, онъ неизмѣнно всегда былъ въ одномъ костюмѣ: широкіе штаны, заправленные въ сапоги, цвѣтная жилетка, на шеѣ обязательно какой-нибудь цвѣтной ситцевый платокъ, грязный отъ пота; у пояса на серебряной пряжкѣ виситъ рогъ съ дегтемъ и синимъ камнемъ, неизмѣнными принадлежностями чабана, и безчисленнымъ количествомъ деревянныхъ палочекъ и лопаточекъ для выковыриванія червей.

Тутъ же стояла чабанская арба (возъ), запряженная парой воловъ съ воткнутыми по угламъ палками съ пучкомъ ковыля, бѣлаго цвѣта, и привязаннымъ сзади корытомъ для корма собакъ.

Арба—это домъ для чабана; онъ складываетъ туда провизію, муку, пшено для каши и хлѣбы, тамъ же помѣщается его незатѣйливая одежда, разныя вещи и пр.

Для чего, именно, она украшается такими странными принадлежностями, какъ палки съ ковылемъ, — я не могъ добиться объясненія. Чабаны говорили, что это отъ волковъ, но врядъ ли, ибо волковъ въ степи лѣтомъ не видно, да они и не побоялись бы такого украшенія, а просто это—эмблема чабанской жизни, признанная необходимостью каждой чабанской арбы.

Когда мы проѣзжали мимо арбы, на насъ бросилась съ лаемъ большая, бѣлая собака, едва отогнанная чабаномъ отъ лошадей.

Чабаны водятъ собакъ и едва-ли не щеголяютъ этимъ.

Мы повернули къ зимовнику и черезъ два часа были уже дома.

IV.

Мы принадлежали къ приходу хутора Веселаго, находящагося въ 12 верстахъ, по лѣвую сторону Хомутца, по дорогѣ въ городъ.

Хуторъ, какъ и всѣ казачьи хутора, былъ небольшой. Съ краю стояла небольшая деревянная церковь и около нея дома двухъ священниковъ прихода о. Петра и о. Еремѣя.

О. Петръ былъ небольшого роста и страшно жирень, съ ухватками и голосомъ протодіакона, такъ какъ ранѣе, до посвященія, онъ занималъ должность протодіакона Новочеркаскаго кафедральнаго собора. Это былъ въ сущности добрый и ласковый

въ обращеніи священникъ, но, живя постоянно среди казаковъ и хохловъ, составляющихъ главную массу его прихода, опустился и запилъ, поглощая ежедневно чуть не ведро водки, и часто, въ особенности зимой, служилъ обѣдню въ явно нетрезвомъ видѣ.

Прихожане сначала возмущались этимъ, но потомъ, привыкнувъ къ его постоянному пьянству, не обращали ужъ на это никакого вниманія.

Другой о. Еремѣй,—былъ трезвый человекъ, потреблялъ водку во время и умеренно, за что и пользовался симпатіями трезвыхъ прихожанъ.

Помню, какъ-то они оба—и о. Петръ и о. Еремѣй были приглашены къ намъ въ домъ отслужить молебенъ, и про нихъ мои сестры сложили стихи:

Ахъ, ахъ, Петръ Романычъ
Прикатилъ ты къ намъ на Манычъ,
Чтобы покутить!
А отецъ Еремѣй,
Тотъ-то съ цѣлью поумнѣй
Чтобы погостить!

Мы рѣдко ѣздили въ церковь, и когда собирались, то закладывалась четверкою большая дорожная бричка и мы вчетверомъ—мама, нянька Анастасья, сестра Маня и я торжественно выѣзжали въ ней въ церковь, для чего нужно было встать часовъ въ 6 утра.

Изъ сосѣдей коннозаводчиковъ къ намъ рѣдко кто пріѣзжалъ въ гости.

Бывало изрѣдка заѣзжали къ намъ, да и то по дорогѣ въ городъ,—мои двоюродные братья, Саша и Вася Золотаревы. Ихъ желтая, соломенная найтачанка, запряженная парю лошадей, производила во мнѣ эффектъ, точно я видѣлъ людей изъ другого міра. Въ найтачанкѣ, сбоку, всегда лежало—предметъ моихъ вождедѣній—центральное ружье,—съ которымъ Саша показывалъ мнѣ „фокусы“, стрѣлялъ коршуновъ и даже дикихъ утокъ.

Особенно памятенъ мнѣ милѣйшій сосѣдъ нашъ, Павелъ Никитичъ Сидоровъ. Высокій, съ огромною черною бородой и усами, онъ всегда пріѣзжалъ къ намъ верхомъ, съ длинною вуалью на соломенной шляпѣ. Онъ былъ какъ-то медлителенъ въ движеніяхъ, говорилъ низкимъ басомъ, прищуривая небольшие, каріе глаза, точно мечталъ о чемъ-то; былъ односло-

женъ въ разговорѣ, курилъ изъ камышеваго мундштука крученныя, самодѣльные папирасы и любилъ острить, въ особенности, когда разговаривалъ съ барышнями,—моими сестрами.

Когда, напр., старшій табунщикъ, Таза, говорилъ о примѣтахъ какой-нибудь пропавшей лошади, то первымъ дѣломъ нужно было назвать масть этой лошади. Таза, не зная хорошо русскаго языка, скороговоркой твердилъ: „звѣдочка, бѣлогубчикъ, подъ нимъ два нога“, и продолжалъ далѣе говорить, не упоминая о цвѣтѣ масти.— „А масти какой“, безстрастнымъ, груднымъ голосомъ спрашивалъ Павелъ Никитичъ, глубоко затягиваясь папирасой.— Такими, и подобными фразами Павелъ Никитичъ составилъ себѣ авторитетъ, а фраза „масти какой“ приобрѣла себѣ права гражданства.

Другимъ сосѣдомъ и благожелателемъ нашимъ былъ симпатичный старикъ, Семень Ильичъ Грузиновъ, толстый, на коротенькихъ ножкахъ; ходилъ онъ всегда въ широкомъ сюртукѣ изъ сѣрой парусины, курилъ также изъ камышины и имѣлъ небольшія баки.

Онъ очень любилъ меня и по моей просьбѣ подарилъ мнѣ съ своего зимовника небольшую лодку для плаванія по ставу.

У насъ не было лодки, а у меня ужъ давно возникъ планъ въ головѣ, какъ-нибудь да устроить себѣ „мореплаваніе“ на ставу; сдѣлать лодку было некому, а покупать готовую негдѣ и дорого, для этого нужно было посылать въ Ростовъ пару воловъ и человѣка, что не всегда было удобно.

Я собиралъ ненужныя доски и строилъ себѣ плотъ, изображая Робинзона Крузо, или просто таскалъ для этого отъ стараго недостроеннаго дома въ саду ставни отъ оконъ. Мнѣ въ одну душу хотѣлось устроить такой плотъ, чтобы онъ дымилъ, на подобіе парохода.

Я набралъ съ мальчишками во дворѣ кирпичей; устроилъ на плоту подобіе печи, и когда вся механика была готова, и изъ трубы повалилъ дымъ, я внѣ себя отъ радости, стоя на плоту, отпихнулъ его отъ берега длиннымъ шестомъ, и въ то же время плотъ, отъ тяжести нагруженныхъ на него кирпичей, сталъ медленно погружаться на дно, такъ что я вымокъ до пояса.

Или добывалъ себѣ большое бѣльевое корыто и съ успѣхомъ развѣзжалъ въ немъ по всему ставу, при чемъ весломъ служила обыкновенная лопата, которой сажали хлѣбы въ печь. Я даже каталъ какъ-то въ немъ по ставу гостившую у насъ

старую свою тетку, Александру Акимовну, съ опасностью для жизни насъ обоихъ.

Тетка часто потомъ вспоминала это катанье и много смѣялись надъ нимъ.

И много анекдотовъ ходило тогда о моемъ мореплаваніи.

И вотъ я какъ-то упросилъ сначала Ильича дать, а потомъ отца послать за лодкой; торжественно была заложена пара воловъ въ арбу, а старому дѣду Герасиму дано порученіе съѣздить къ Грузинову и привезти оттуда лодку. Что-то, кажется, на другой день къ обѣду вернулась пара воловъ и лодка была спущена на воду. Грузиновъ прислалъ лодку при слѣдующемъ письмѣ:

— „Что ты, Миша, плачешь?—

— „Лодочку хочу!

„Пошли, папа, къ Ильичу“ и т. д.

Лодка оказалась дырявою и страшно текла.

Я долженъ былъ при плаваніи на ней брать съ собой ковшъ, чтобы отливать воду, но тѣмъ не менѣе флоту тогда дано было основаніе.

Счастливое воспоминаніе счастливаго дѣтства!

Напротивъ зимовника, въ полуверстѣ разстоянія, черезъ балку Хомутецъ и прудъ, былъ расположенъ кабакъ хохла Павла Муштатова, котораго всѣ хохлы и рабочіе прозвали за что-то „Шнуркомъ“, и это прозвище навсегда осталось за нимъ.

Въ лѣтніе мѣсяцы, по воскресеньямъ, у него всегда бывала ярмарка нанимающагося люда рабочихъ и косарей, русскихъ и хохловъ; собиралось до 3.000 народа.

Съ утра до насъ достигалъ шумъ и говоръ этой толпы, которая бранилась, рядилась и тутъ же запивала магарычи, нанявшись къ какому-нибудь коннозаводчику. Весь лугъ покрывали палатки, запряженныя лошади, телѣги и люди, ожидающіе найма.

Къ вечеру этотъ гамъ немного стихалъ, и люди отправлялись къ мѣсту назначенія. Водки выпивалось неизмѣримо количество къ удовольствію самого Шнурка, непременно являшагося къ намъ по окончаніи дня.

Откуда онъ былъ родомъ—неизвѣстно.

Его маленькая, юркая фізіономія, вѣчный хохлацкій говоръ и быстрыя движенія указывали, что это архи-плуть

и связываться съ нимъ было небезопасно. Недаромъ хохлы говорили про него, что онъ водку мѣшаетъ съ водой и продаетъ за чистую.

Не знаю, гдѣ и чѣмъ онъ теперь! Но въ то время все богатѣль и шель шибко въ гору...

У насъ на зимовникѣ было много рабочихъ и во дворѣ и въ полѣ.

Полевые рабочіе были и поденные, и работали отъ десятины; косили траву „отъ круга“, при чемъ хохлы изумляли своимъ счетомъ и знаніемъ геометріи простой, практической; народа въ полѣ было во время сѣнокоса человекъ 200—300.

Дворовые рабочіе нанимались обыкновенно въ два срока: отъ Троицы до Покрова и отъ Покрова до Троицы.

На Троицу пригоняли партію человекъ въ 40 и распределяли ихъ кого плотникомъ, кого конюхомъ, кого простымъ рабочимъ. Цѣны были—40, 50 рублей на срокъ. Дѣвки и бабы шли въ половину.

Среди рабочихъ былъ нѣчто въ родѣ приказчика, или старшины, Иванъ Михайловичъ Павлоцкій, мужчина высокій, среднихъ лѣтъ, блондинъ. Онъ жилъ у насъ лѣтъ 10, получая жалованья болѣе 100 рублей.

Главнымъ приказчикомъ былъ Иванъ Семеновичъ Мазница, хитрый хохоль, средняго роста, съ большой окладистой бородой, вздвигшій постоянно верхомъ и перепортившій не одну лошадь. Онъ получалъ жалованья 200 рублей въ годъ.

Не могу не помянуть еще объ одномъ замѣчательномъ типѣ, еще встающемъ въ моей памяти.

У насъ въ городѣ былъ домъ, съ широкимъ дворомъ и прелестнымъ абрикосовымъ садомъ.

Такъ какъ послѣдній былъ посаженъ и выхоженъ моимъ старшимъ братомъ, то охрана плодовъ въ лѣтніе мѣсяцы лежала единственно на немъ. Братъ былъ больной человекъ и постоянно жилъ въ городѣ.

Какъ-то лѣтомъ, въ особенно урожайное и воровливое на абрикосы время, брату удалось заполучить непосредственнаго сосѣда нашего, Ивана Александровича Данилова, мальчика лѣтъ 18, и онъ пригласилъ его караулить садъ.

Мальчикъ оказался смысленный, и отецъ, прїѣзжая въ городъ, обратилъ на него вниманіе, называя сначала его Лекомъ, ибо у Данилова была способность быстро отыскивать пропащую вещь,—а потомъ и Поль-де-Ковомъ. Отецъ не зналъ

французскаго языка, и у него всѣ французскія фамиліи шли подъ одно.

Спустя нѣкоторое время Данилова отецъ взялъ на зимовникъ, сначала конторщикомъ, затѣмъ приказчикомъ и, наконецъ, Даниловъ, все повышаясь, послѣ смерти отца, сдѣлался управляющимъ Кирсановскаго завода.

Великіе люди всегда начинаютъ свою карьеру съ маленькаго!

Но нужно отдать Данилову полную справедливость, онъ честно и преданно служилъ намъ и, хотя ушелъ отъ насъ по продажѣ зимовника, богатымъ человѣкомъ, съ большими деньгами, рогатой скотиной и земледѣльческими орудіями,—это только благодаря своимъ трудамъ и подаркамъ, щедро отсылаемымъ ему мною и братомъ.

Иванъ Александровичъ былъ человѣкъ средняго роста, съ усами и безъ бороды; бороду онъ тщательно брилъ; говорилъ тихимъ голосомъ; лицо—чисто казачье, типичное, съ небольшими карими глазами.

Меня и брата онъ неизмѣнно называлъ „владѣлецъ“.

Помню страшную катастрофу, разразившуюся 15 мая 1876 г. Я только-что поступилъ въ гимназію и по слабости здоровья былъ оставленъ на второй годъ въ томъ же, 2-мъ классѣ. Экзаменовъ я не держалъ, а потому отецъ меня взялъ сейчасъ же послѣ Пасхи на зимовникъ.

Послѣ обѣда отецъ легъ отдохнуть, а мать была въ палисадникѣ, гдѣ развѣшивали бѣлье.

День былъ не жаркій, пасмурный, но въ воздухѣ чувствовалась какая-то тяжесть.

Я одѣлъ свое старенькое пальто и пошелъ по доскѣ черезъ палисадникъ, мимо матери, въ конюшню, гдѣ пробылъ минутъ 10, а оттуда въ рабочій сарай, гдѣ я постоянно бывалъ и гдѣ у меня были пріятель-плотники. Едва я вошелъ въ сарай, какъ вдругъ поднялся сильный вѣтеръ и крышу сарая снесло въ одинъ моментъ. На моихъ глазахъ вся конюшня вдругъ упала въ сторону, противоположную отъ двора, и мы, т.-е. я и плотники, принуждены были укрыться въ близъ лежащей избѣ черезъ открытое окно.

Сначала пошелъ сильный дождь, потомъ градъ, да такой крупный, что, мнѣ казалось, градины были величиною съ куриное яйцо, я по крайней мѣрѣ потомъ ужъ не видѣлъ ничего подобнаго.

Шумъ и грохотъ отъ града, отъ бушующаго вѣтра былъ

невообразимый. Нашъ дворъ превратился во что-то ужасное; потоки воды и кучи града превратили его во что-то бѣлое, безконечное; я видѣлъ изъ окна избы, что уровень бушующей воды достигалъ аршина въ высоту.

Ужасный градъ и дождь продолжались не менѣе получаса, а затѣмъ градъ сталъ мельче, дождь тоже рѣже, — высокая масса воды сбѣжала со двора, и намъ представилась возможность выйти изъ своего убѣжища.

Шлепая по грязи въ штиблетахъ, я едва достигъ дома.

Мать была уже въ бѣлой кухнѣ, въ полуобморочномъ состояніи. Оказалось, что она, видя въ первый моментъ, какъ завалилась конюшня, и не замѣтивъ за минуту до того моего перехода изъ конюшни въ сарай, рѣшила, что меня придавило упавшею конюшней, и какъ была, бросилась туда, бредя по поясъ въ водѣ. Ее бабы, увидя бредущую, уволокли въ бѣлую кухню.

Отецъ проснулся отъ грохота града и сидѣлъ на постели видимо не зная всего происшедшаго.

Много хлопотъ и убытка дала намъ эта буря... Тяжелыя, воловьи арбы, что стояли около недостроеннаго дома, силою вѣтра вынесло далеко впередъ, и тѣ, которыя успѣли проскочить между амбаромъ и каретнымъ сараемъ, были далеко, нѣкоторыя даже на гумнѣ, въ полуверстѣ разстоянія; пастуху, мальчику, бывшему съ коровами за гумномъ, пробило голову; нѣсколько овецъ было убито въ полѣ. Къ счастью, никто изъ людей не убитъ; бывшіе въ конюшнѣ кучеръ и конюхъ спаслись тѣмъ, что сидѣли въ конюшнѣ около самыхъ открытыхъ дверей, и стѣна, падая, накрыла ихъ пустымъ пространствомъ. Лошади какимъ-то чудомъ уцѣлѣли въ конюшнѣ.

Но кому больше всего пришлось, — это дикой птицѣ на широкихъ лиманахъ рѣки Маныча.

Тутъ, очевидно, разразился центръ всего свѣтопреставленія. Довольно высокій и густой камышъ весь помолоченъ былъ какъ на посадѣ. Утки, гуси, гагары, кулики и большіе пеликаны буквально устилали собой неглубокую воду. Не говоря ужъ объ убитой, но и покалѣченной, — съ пробитою головою, съ переломанными крыльями и ногами птицы — оказалась масса. Я потомъ встрѣчалъ цѣлыя обозы, арбъ въ 5—6 хохловъ съ поселка и на вопросъ, куда ѣдете, мнѣ отвѣчали: „на Манычъ за птицей“!

Да, много бѣдъ сотворило и много памяти оставило это ледовое побоище 15 мая 1876 года!..

V.

Ранѣе я помянулъ, что за лодкой къ Грузинову былъ посланъ Герасимъ.

Этотъ Герасимъ былъ старикъ неопредѣленныхъ лѣтъ, маленькій, жиденькій, съ остатками бороды, брюнетъ съ довольно сильной просѣдью, съ маленькими черными глазами и съ плутоватымъ выраженіемъ лица.

Онъ былъ и плотникомъ, и птичникомъ, и садовникомъ, и, наконецъ, былъ водворенъ на лѣто въ старый садъ караульщикомъ.

Дружба съ Герасимомъ была у меня большая. Сидитъ онъ, бывало, себѣ подъ деревомъ и ничего не дѣлаетъ. Старая привычка къ топору у него все же осталась, и онъ по временамъ бралъ топоръ и мастерилъ разныя нужныя и ненужныя вещи: крышки для горшковъ съ молокомъ, какіе-то ящики и пр. У него были всевозможныя плотничьи инструменты.

Герасимъ все это умудрялся хранить въ маленькомъ деревянномъ ящикѣ, съ пробоемъ и замкомъ, гдѣ вмѣстѣ съ инструментами лежали также его двѣ или три рубашки и столько же шароваръ.

На деревѣ же неизмѣнно висѣло его ружье, длинная одностволка, съ перевязаннымъ веревкой ложемъ. Старикъ былъ большой охотникъ пострѣлять. Стрѣлялъ онъ рѣшительно все: начиная съ дикой утки, до которой ему ничего не стоило дойти два шага до пруда, и кукушки въ саду, да чужой собаки.

Убьетъ онъ, положимъ, кукушку, и если это въ постъ, Петровки или Спасовку, то не съѣстъ ее сейчасъ, завернетъ въ тряпочку и положитъ на дерево. До розговѣнья остается еще недѣли три, а кукушка лежитъ на деревѣ, о чемъ онъ таинственно мнѣ докладывалъ.

Мнѣнія о себѣ, или вѣрнѣе, о своихъ понятіяхъ и способностяхъ, онъ былъ высокаго.

Все сдѣланное не имъ, или безъ его указаній и руководства,—не годилось никуда.

Помню я, какъ-то къ одному богатому хохлу въ поселокъ черезъ прудъ привезли молотильную машину. Машину пустили въ ходъ, и къ намъ въ садъ доносился шумъ и гулъ отъ работы. „А онъ неправильно работаетъ“, сказалъ дѣдъ Герасимъ.

— „Почему неправильно, и кто онъ“?

— „Машинистъ неправильно машину поставилъ“ отвѣчалъ дѣдъ Герасимъ, дѣлая неопредѣленный жестъ рукой по направленію машины, „я по гулу слышу“.

Что я могъ ему возразить, самъ не видѣвшій никогда машины?!

Я оставилъ старика въ его мнѣніи и заблужденіи.

Но мнѣ часто пріѣзжалъ мой сосѣдъ, Костя Карасевъ, мой однолѣтникъ и одноклассникъ. Пріѣзжалъ онъ обыкновенно послѣ обѣда, когда отецъ ложился отдыхать,—верхомъ, на великолѣпномъ ворономъ аргамакѣ и съ ружьемъ,—главная моя приманка; ружье было его отца, съ украшеніями, дорогое, съ блестящими курками и такимъ же замкомъ, шомпольная двухстволка.

Мы тотчасъ же отправлялись къ дѣду Герасиму стрѣлять по очереди коршуновъ и другую птицу.

Карасеву давали ружье, и вообще онъ охотился официально, я же считался малымъ и мнѣ было пока запрещено это удовольствие.

Пострѣлявши немного, мы шли къ дому.

Вдругъ надъ нами раздался какой-то шумъ, я посмотрѣлъ вверхъ: три великолѣпныхъ журавля, широко распластавъ крылья, какимъ-то образомъ очутившись здѣсь, летѣли по направленію къ пруду.

Я свѣта не взвидѣлъ, и какъ очередь стрѣлять была моя, схватилъ ружье и, ничего не помня, прицѣлился въ средняго, журавль упалъ. Я схватилъ громадную птицу за ноги и съ восторгомъ бросился бѣжать далѣе, къ дому.

Отецъ уже проснулся и сидѣлъ на крыльцѣ; я подбѣжалъ къ крыльцу и торжественно, показывая птицу, сказалъ: „это я убилъ“!

Отецъ, видя мое восторженное лицо, добродушно ухмыльнулся и прибавилъ „молодецъ“ и тутъ же, вѣроятно, рѣшилъ, что такому знаменитому охотнику нельзя оставаться подъ запретомъ и нужно ему купить ружье.

Вѣсть о моемъ знаменитомъ подвигѣ быстро облетѣла весь дворъ, и всѣ приходили смотрѣть журавля, убитаго „панычемъ“, уныло вытянувшаго ноги и взглядывавшаго на всѣхъ своимъ прострѣленнымъ глазомъ.

Изъ него вышли отличные щи, а мнѣ черезъ двѣ недѣли, когда отецъ поѣхалъ въ городъ, была куплена замѣчательная двухстволка, бельгійской работы, которая и сейчасъ у меня.

Такъ журавль рѣшилъ мою охотничью судьбу!

Съ этимъ ружьемъ я уже не расставался никогда. И до смерти отца и послѣ, я, уже взрослымъ человѣкомъ, охотился съ нимъ неизмѣнно.

У насъ въ степяхъ, при обилии всевозможной дичи, не требовалось устраивать такъ называемой „охоты“, съ компаніей, выпивкой и закусками; просто, часовъ въ 11 дня приказываешь заложить дрожки и ѣдешь въ степь на работы; ружье берешь съ собой.

Уже въ верстѣ отъ дома вспархиваетъ куропатка, или стрепеть, дальше—больше, и двѣ пары есть, и довольно на обѣдъ или ужинъ.

Я никогда больше и не бивалъ, хорошо сознавая, что это лишнее.

И такъ каждый день, все хоть что-нибудь привезешь домой.

Особенно мнѣ нравилось пройти немного по старымъ пашнямъ.

12 часовъ дня.—Жара невыносимая.

Вы осторожно пробираетесь по заросшимъ жнивьямъ старой пашни; изъ куста въ двухъ шагахъ отъ охотника, тяжело поднимается вдругъ дрофа, она уже ваша.

Или стрепеть поднимается, звеня крыльями, когда только не наступишь на него ногою.

Въ жару птица никогда не поднимается высоко, и саженой черезъ 15 — 20 опять упадетъ въ траву. Вотъ походишь полчаса по такой жарѣ, и пара уже готова.

Помню, я былъ какъ-то на пашнѣ. Полуденный воздухъ весь струился вдаль, и неподвижные предметы принимали издали какія-то неясныя, фантастическія очертанія. — Вотъ виднѣтся озеро (это въ нашей-то безводной степи), окруженное вербами, вѣтви которыхъ низко склонились къ водѣ, а за озеромъ разстилается селеніе или городъ; вотъ нѣсколько вѣтряныхъ мельницъ стоятъ по берегамъ озера, и картина представляется—невиданная!...

А подойдешь ближе, оказывается, что это четыре или пять стоговъ сѣна, одиноко стоящіе въ степи...

Вся картина пропала... зато вдаль опять четыре стога сѣна рисуютъ тѣ же очертанія. Это миражъ—столь распространенное явленіе въ Задонскихъ степяхъ.

„А подывитця, панычу, гдѣсь занялось“, — говорилъ мнѣ хохоль-работникъ и указалъ вдаль столбъ чернаго дыма.

Столбъ разростался и видимо приближался къ намъ. Черезъ

часть, два, огромные клубы дыма, закрывая солнце, распространились въ воздухѣ и казались свѣтло-оранжевыми.

Степные пожары у насъ не рѣдкость; начнется гдѣ - нибудь и пройдетъ громадное разстояніе, истребляя траву и скошенное сѣно въ стогахъ. Иногда степной пожаръ проходитъ 80 верстъ въ длину, достигая 2—4 верстъ въ ширину.

Единственная преграда ему—это дорога, которая или задерживаетъ его, или даетъ ему другое направленіе, или недостатокъ матеріала — сухой и пышной травы, — когда попадается такъ называемая „толока“.

Иногда пожаръ продолжается дня четыре и болѣе, затягивая всю степь дымомъ; и безъ того жара, а тутъ все же горячій воздухъ еще болѣе накалится, такъ что трудно бываетъ дышать.

Средства борьбы съ степными пожарами у насъ въ степяхъ довольно примитивны и ограничены; обыкновенно проводятъ плугомъ борозды 5—6 по границѣ участка, но это помогаетъ мало, особенно когда сильный вѣтеръ; жаръ отъ огромнаго пространства горячей степи бываетъ такъ силенъ, что трава по другую сторону запашки загорается уже не отъ пламени, а отъ жара; или опахиваютъ плугомъ стога сѣна, въ разстояніи саженой 4—5 отъ стога проводятъ плугомъ тѣ же 5—6 борозды.

Это болѣе надежное средство, потому что здѣсь ограждается каждый стогъ въ отдѣльности, и сила огня по скошенной травѣ, гдѣ стоятъ стога, уже не такъ велика; къ этому средству прибѣгаютъ къ сожалѣнію рѣдко, ибо, у кого много сѣна, стоговъ 100—200, извольте-ка опахать каждый стогъ въ отдѣльности вышеуказаннымъ образомъ, да еще въ іюльскую жару отрывать отъ работы паръ 6 воловъ, къ нимъ человекъ 10 народу, которые тутъ же варятъ себѣ обѣдъ или ужинъ; бывали случаи, сами же рабочіе пускаютъ пожаръ.

Отецъ по этимъ соображеніямъ никогда не опахивалъ стоговъ, и Богъ хранилъ насъ отъ пожара.

Я самъ, уже будучи чуть не 20 лѣтнимъ, пустилъ было пожаръ.

Какъ-то послѣ обѣда, въ жаркое время, приказчикъ нашъ, Павлоцкій, отправился на гумно „готовить токъ“, т. е. мѣсто для молотбы катками и для поставки новыхъ скирдъ съ хлѣбомъ.

Я тогда не преминулъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ.

На старомъ гумнѣ трава была большая и густая, уже достаточно подсохшая для огня.

Нужно было выполоть пространство саженой въ 20 по поперечнику. Павлоцкій зажегъ траву, но она почему-то горѣла вяло и скоро потухла. Я набралъ старой соломы и бросилъ ее въ горящую траву. Какъ на грѣхъ, тутъ попалась ложбинка и огонь быстро пошелъ по ней. Дулъ небольшой вѣтеръ съ запада, по направленію къ усадьбѣ сосѣда Карасева.

Я не успѣлъ оглянуться, прошло, вѣроятно, секундъ 5, не болѣе, какъ пламя поднялось уже высоко и распространилось широко, захватывая все новые и новые кусты.

Я взглянулъ на Павлоцкаго — его лицо было серьезно и выражало скрытый страхъ.

Я тотчасъ же бросился къ старому току, гдѣ у насъ росли высокія, аршина въ 2 слишкомъ, конопля, и набравши пучекъ такихъ коноплей, сталъ ими забивать пламя.

Павлоцкій также сдѣлалъ себѣ пучекъ, и люди, бывшіе на работѣ, на старомъ гумнѣ, тоже замѣтивъ неестественный дымъ, прибѣжали на помощь, и общими усиліями пожаръ удалось погасить. Выгорѣла, должно быть, цѣлая десятина, или около того.

VI.

Выше я упомянулъ о рѣкѣ Манычѣ, границѣ нашего участка съ сѣвера и сѣверо-востока. Отъ зимовника до рѣки Маныча версты 4, не болѣе. Съ юго-востока на сѣверо-западъ тянется балка Ямута, впадающая выше въ балку Терновку.

Ямута не велика, версть 6, 7.

Не знаю почему, но это мѣсто нашего участка привлекало мои наибольшія симпатіи. Потому ли это, что въ этомъ мѣстѣ была сосредоточена вся масса болотной и степной дичи (куропатки), или общая сравнительная красота мѣстности, близость дома, откуда можно было постоянно заглянуть туда, — только Маныцкая обстановка дѣйствовала на меня успокаивающимъ образомъ.

Балка Ямута была отъ зимовника верстахъ въ двухъ.

Куда ни взглянешь — степь кругомъ, ширь и просторъ необъятные!

Вдали чуть виднѣются крыши строеній нашего зимовника и хохлацкаго поселка, въ другую сторону, въ туманной дали, обрисовываются крыши Карасевскаго зимовника; передъ глазами — ничего, только Ямута шумитъ своими камышами по самой балкѣ; коршунъ, хорошо распластавъ крылья, паритъ высоко и точно высматриваетъ себѣ добычу; бѣлокрылая чайка

и мартышки, залетѣвъ сюда отъ рѣки Манычи, рѣютъ въ прозрачномъ воздухѣ.

11 часовъ дня; солнце высоко стоитъ на небѣ и посылаетъ оттуда горячіе, нестерпимые лучи; высоко взвился жаворонокъ и поетъ свою неумолкаемую пѣсню!

Ямута шумитъ своими камышами!

Вотъ небольшой терновый кустикъ, и куропатка, спугнутая неосторожными шагами человѣка, испуганно вылетаетъ изъ куста и, остановленная раздавшимся въ тишинѣ выстрѣломъ, стремительно падаетъ въ траву.

Вотъ недалеко то мѣсто, гдѣ стоятъ отбитыя отъ табуна ремонтныя лошади, рослые, донскіе маштаки, ужъ привыкшіе къ одиночеству, сбившись отъ жары въ кучу и положивъ другъ на друга головы.

Вотъ вдали видѣется какое-то бѣлое пятно на зеленомъ фонѣ высокой травы—это бараны, отбитые на лѣто отъ матокъ и обреченные тянуть одиночество до 1 ноября; они отъ зноя сбились въ кучу, вытянувъ морды въ одномъ направленіи и показывая подошедшему свои широкіе, жирные зады.

Еще дальше виднѣются коричневымъ пятномъ дойныя коровы—матери, штукъ 40, напоенныя, лѣниво разбросавшись на зеленой травѣ, и нѣкоторыя, очевидно, думающія о томъ, гдѣ теперь ихъ телята.

Тамъ кучка бракованныхъ мереньевъ и кобылъ съ жеребятами уныло бродятъ, недоумѣвая, почему они очутились здѣсь, на Ямутѣ, когда весь табунъ теперь въ широкихъ степяхъ Терновки.

Какъ видите, степь не одинока, не пустынна и заселена множествомъ четвероногихъ тварей, и вездѣ люди, пасущіе и охраняющіе этихъ тварей!

Но ѣдемъ дальше. Черезъ двѣ версты густой и сочной травы показываются берега рѣки Маныча.

Собственно, подѣзжая, вы не видите ни самой рѣки, ни воды.

Манычъ рѣка очень капризная.

Притокъ рѣки Дона, она здѣсь только носитъ названіе рѣки.

Внѣ нашего участка, выше и ниже, она имѣетъ формы настоящей рѣки, узкой, съ берегами, покрытыми мѣстами вербой и тальникомъ, мѣстами даже красивой.

Въ нашемъ же участкѣ—это цѣпь громаднѣйшихъ лимановъ, до двухъ верстъ шириною, которыхъ перейти врядъ-ли

кому удавалось, частію заросшихъ совершенно камышами частію совершенно чистыхъ, представляющихъ собою огромное зеркало.

Эти лиманы являютъ изъ себя лѣтомъ средоточіе всевозможной болотной дичи, осенью и зимой—голодныхъ волковъ.

Общая линія береговъ на нашемъ участкѣ высока и обрывиста отъ весеннихъ разливовъ воды, такъ что приходится спускаться до первыхъ камышей, а дальше уже нужно идти пѣшкомъ въ высокихъ, непромокаемыхъ болотныхъ сапогахъ, ибо ступня ноги вся уходитъ въ почву.

Вода въ лиманахъ рѣки Маныча горькосолонаго вкуса.

Глубина воды четверть аршина и настолько же вязкаго ила. Помню я свои походы по Манычу.

Днемъ, въ жару, хотъ не ходи по камышамъ или чистой водѣ. Птица вся какъ-будто замерла и гдѣ-то прячется.

Зато самое раздолье охотнику на заряхъ, утренней и вечерней; птица тучами носится надъ камышемъ, и, бывало, бьешь ее всю; дикія утки всевозможныхъ породъ, гагары, болотные кулики и пр., а то попадаются и большіе пеликаны, снѣжно-бѣлаго цвѣта, съ длиннымъ, на подобіе ножа, носомъ.

Птица очень осторожна, и къ ней нужно умѣть подойти. При этомъ страшные, несосвѣтныя комары, отъ которыхъ только спасаешь глаза папиросой.

Но курить непрестанно невыносимо, поэтому я натиралъ лицо гвоздичнымъ масломъ.

У насъ на лиманахъ никому постороннему стрѣлять было нельзя, развѣ попадетъ какой-нибудь мужиченка изъ хохловъ, съ связаннымъ бичевкой ружьемъ, и на того махнешь рукой.

Одного такого охотника я чуть было не застрѣлилъ случайно: дойдя до конца камыша, у чистой воды, я подкарауливалъ двухъ утокъ, которыя у противоположной стороны, тоже у камыша, выплывали мнѣ на мушку.

Разстояніе было саженой 20; едва дождался удобнаго момента и грянулъ выстрѣлъ, какъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ были утки, сзади нихъ, изъ-за камыша, подымается маленькая человѣческая фигурка, и слышенъ голосъ: „а я оздечки, мене трошки не вбили“.

Оказалось, онъ тоже караулилъ утокъ и не видѣлъ меня, какъ и я его.

Однажды, гуляя съ ружьемъ по камышамъ, я дошелъ до чистаго мѣста и задумалъ перейти вбродъ разстилавшуюся равнину воды; разстояніе казалось небольшое, не болѣе полуверсты. Я пошелъ, но попытка оказалась бесполезною: я прошелъ по

Ремонтъ—главная статья дохода и подь часъ краса завода, и отецъ обращалъ всегда особое вниманіе на нихъ; ремонтныя лошади были его любимымъ дѣтищемъ.

Ремонтъ состоялъ изъ 60—80 головъ.

Вотъ изъ такой партіи ремонтныхъ лошадей былъ выбранъ мой парадиръ—мой знаменитый „Лысый“.

Эта была замѣчательная лошадь.

Высокій и стройный, болѣе 2 вершковъ, что рѣдко бываетъ въ нашихъ заводахъ, гнѣдой масти, онъ казался неутомимымъ и обладалъ поистинѣ замѣчательною иноходью подь сѣдломъ: бывало, другія лошади скачутъ, или идутъ полной рысью, а Лысый, зная себѣ, жаритъ иноходью, слегка разваливаясь на ходу; покойность и увѣренность въ каждомъ его шагѣ была изумительная; сидя на немъ, можно было спокойно спать, или дремать, такъ что я, смѣясь, прозвалъ его вагономъ перваго класса; его рысь, а въ особенности скачь, не могла обогнать ни одна лошадь.

Когда нужно было попасть куда-нибудь, и въ особенности вернуться къ сроку, у меня брали Лысаго, и Лысый, точно чувствуя необходимость такой срочной поѣздки, шелъ увѣреннымъ и важнымъ шагомъ и всегда попадалъ къ сроку.

Разъ какъ-то представилась необходимость сбѣгать въ Ростовъ за деньгами рабочимъ; было это вечеромъ, а къ утру деньги необходимы были для расчета.

Не долго думая, нашъ Иванъ Александровичъ рѣшилъ самъ ѣхать и въ 5 часовъ вечера осѣдлалъ Лысаго, ибо другой лошади, способной на такое путешествіе, у насъ не было.

Я конечно далъ согласіе, и Лысый спокойно отправился съ своимъ всадникомъ по дѣламъ.

Къ 8 часамъ утра Иванъ Александровичъ былъ дома съ деньгами. А вѣдь разстояніе туда и обратно было 200 съ лишкомъ верстъ!

Бѣдный Лысый, досталось же ему въ эту поѣздку! Я помню, когда онъ вернулся, мыло кусками падало съ него!

У него отъ природы была еще одна отдушина: на носу, выше ноздрей, была небольшая дырочка, которою онъ дышалъ.

Когда продавали зимовникъ, я его также продалъ одному родственнику-офицеру за 150 рублей.

Миръ его праху! Теперь онъ несомнѣнно давно уже палъ...

Сбытъ ремонтныхъ лошадей производился обыкновенно или ремонтѣрамъ отъ кавалеріи, или простымъ барышникамъ. Но съ первыми отецъ рѣдко имѣлъ дѣло, ибо они предлагали

невозможныя условія: прїѣдетъ, посмотритъ ремонтъ, штукъ 70—80, и предлагаетъ взять на выборъ лошадей 18, при чемъ даетъ хорошую цѣну—100 рублей за голову.

А съ остальными куда дѣваться?...

Держать у себя и кормить, или разогнать по ярмаркамъ, въ надеждѣ, что продашь еще головъ 5, или болѣе, а тамъ опять дожидаться второй ярмарки?! и т. д.

Нѣтъ, съ барышниками лучше: они прямо взглянуть на ремонтъ и берутъ все, иногда десятый бракъ; но и цѣна значительно ниже—75 рублей, 80 за голову, и тутъ же берутъ лошадей, рѣдко оставляя ихъ на зимовку.

Иногда случается, что барышники, уже производя расчетъ, обращаютъ вниманіе хозяина и на оставшихся, бракованныхъ третьяковъ, и забираютъ и ихъ, цѣною по 20—25 рублей.

Все дѣлается аккуратно и скоро.

Также производилась продажа коровъ, быковъ и овецъ.

Не могу пройти молчаніемъ также обязанности каждаго коннозаводчика непремѣнно держать почту и отвозить каждаго проѣзжающаго человѣка на своемъ экипажѣ и лошадяхъ до слѣдующей станціи.

Эта повинность была очень отягчительна.

Мы возили до зимовника Янова, или Савостьянова, иногда дальше. Возили непремѣнно пять недѣль, по числу участковъ.

Это было бы еще ничего, если бы у насъ было достаточное количество упряжныхъ лошадей и людей, а то собираешься куда-нибудь, въ поле, или на охоту, вдругъ подвертывается какой-нибудь чиновникъ, котораго не ждешь, и приходится отдавать ему лошадей и экипажъ.

Вотъ что нехорошо!

VIII.

Мнѣ остается сказать еще два слова о путяхъ, которые ведутъ на нашъ зимовникъ изъ Новочеркасска.

Ихъ два: одинъ весенній, болѣе длинный, кругомъ черезъ станицу Аксайскую и переѣздъ черезъ рѣку Донъ на плашкотномъ мосту, верстъ 100; другой—лѣтній и осенній, болѣе излюбленный: короче, прямо черезъ станицу Дагаевскую и поймы Дона, — верстъ 70—75, при чемъ Донъ приходится переѣзжать на паромѣ.

Путь черезъ станицу Аксайскую болѣе интересенъ, потому что приходится ѣхать цѣлый день, иногда даже съ ночевкой въ станицѣ.

Онъ былъ болѣе интересенъ для меня, тогда еще мальчика, выхваченнаго только-что изъ удобствъ городской жизни и сразу окунувшася въ жизнь иную, сельскую, съ необходимой ночевкой на постояломъ дворѣ, съ кормежкой и отдыхомъ лошадей среди степи и прочими удовольствіями, которыя меня, какъ мальчика, занимали прежде всего и давали большой матеріалъ для наблюденій.

Часовъ въ 5, послѣ обѣда, къ черному крыльцу нашего дома подкатывали дорожную бричку, въ которую запрягалась четверка лошадей,—или простой тарантасъ, и начиналась укладка вещей.

Часовъ въ 6 лошади уже были готовы, и экипажъ медленно выѣзжалъ со двора.

Въ этой бричкѣ, или тарантасѣ, сидѣлъ я одинъ; рѣдко со мной ѣхала горничная или какая-нибудь прислуга, болѣею же частію моя нянька, Настя; мы проѣзжали весь городъ, направляясь въ станицу Аксайскую, гдѣ должны были ночевать и поджидать отца съ матерью, которые должны были пріѣхать вечеромъ—поѣздомъ.

Дорога отъ г. Новочеркасска до Аксая—вся въ горахъ: приходится то опускаться въ глубокую балку, для чего кучеръ каждый разъ слѣзаетъ съ козелъ и тормозитъ колеса, то подниматься въ высокую гору, и т. д. до конца.

Черезъ два часа показывается станица Аксайская.

Аксай расположенъ на берегу Дона; довольно грязная и захудалая станица; торгуетъ рыбой, лѣсомъ, который сплавляется по Дону; имѣетъ двѣ хорошія церкви, парходную пристань и тутъ же станцію желѣзной дороги.

Мы останавливаемся на постояломъ дворѣ нѣкоего Могила; нянюшка хлопочетъ подать мнѣ самоваръ и устроить постели на ночь.

Часовъ въ 10 пріѣзжаютъ отецъ съ матерью. Я немедленно засыпаю и, утромъ, чуть только солнышко покажется, меня будятъ, и, мы, напившись чаю, садимся въ уже готовую, запряженную бричку и ѣдемъ дальше.

Мостъ черезъ рѣку Донъ плашкотный и уровень его возвышается высоко надъ водою; ширина, я думаю, не менѣе $\frac{1}{4}$ версты

За мостомъ начинается „дамбы“,—высокое, искусственное сооруженіе, проходящее чрезъ всѣ луга и поймы рѣки Дона до станицы Ольгинской,—длиною 10 верстъ, и только кончивъ дамбу, мы спускаемся въ степь.

Хорошо и привольно вздохнуть свѣжимъ, утреннимъ, степнымъ воздухомъ!...

Лошади бѣгутъ шибко и ровно.

Колеса экипажа уже разстались съ камнями мостовой и ямами дамбы и катятся спокойно; передъ глазами лежитъ широкая и ровная, какъ паркетъ, дорога!

Солнце уже высоко, но обычная жара умѣряется нѣсколько близостью Дона и ароматною свѣжестью придонскихъ луговъ.

До хутора Подпольнаго мы проѣхали незамѣтно пять верстъ, и опять степь безъ конца!

Вотъ вдали показался какой-то высокій курганъ; около него строеніе,—не то хижина, не то питейное заведеніе—это Усмань,—мѣсто нашей остановки и кормежки лошадей.

Мы останавливаемся, и лошади брыкаются отъ мухъ, оводовъ, кучами осѣдающихъ на потныя мѣста.

Достается изъ экипажа завтракъ, состоящій изъ жареныхъ цыплятъ, домашнихъ пирожковъ и яицъ, сваренныхъ вкрутую.

И какъ все это кажется вкуснымъ на свѣжемъ, степномъ воздухѣ!

Часа черезъ три кучеръ напоить лошадей изъ колодца, и мы катимъ дальше.

До зимовника еще верстъ 30, но лошади словно почували родную конюшню, бѣгутъ теперь веселѣе.

Вотъ и хуторъ Веселый, съ его вѣчно пьянымъ о. Петромъ!

Вотъ и родной Хомутецъ!

Конецъ далекому и утомительному пути!...

Путь черезъ Дагаевъ гораздо проще и легче: также подается къ крыльцу экипажъ для укладки вещей; мы садимся и, спустившись сейчасъ же съ горы и проѣзжая подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ, ѣдемъ все время лугами - поймами рѣки Дона. Этотъ послѣдній переѣзжаемъ въ станицѣ Дагаевской на паромѣ; иногда заѣзжаемъ въ станицу, гдѣ жила моя тетка—сестра матери; иногда ѣдемъ дальше, безъ заѣзда, нуднаго и томительнаго, ибо вся семья у нея какая-то чудная и она сама жалкая старуха, постоянно плачущая и жалующаяся на жизнь.

Минуя Дагаевъ, ѣдемъ на хуторъ Елкинъ, Домабинку, хуторъ Веселый и Хомутецъ.

Я заканчиваю свои воспоминанія, и все описанное возстаетъ передъ моими глазами, какъ живое: далекій, но милый сердцу зимовникъ, съ его поднимающими радостями, съ его не глубокими горестями, съ его табунами и широкою степью, съ его лиманами и миражами,—возстаетъ все, умершее давно, и кажется, какъ живое....

М. Кирсановъ.